

Н. М. ДЫЛЕВСКИЙ

**«Утръ же возни стрикусы оттвори врата Нову-граду»
в «Слове о полку Игореве» в свете данных лексики
и грамматики древнерусского языка**

Еще редакторы первого издания «Слова о полку Игореве», исходя из общего смысла контекста, пришли к выводу, что в выражении «утръ же возни стрикусы оттвори врата Нову-граду» — «по смыслу речи „стрикус“ не иное что, как стенобитное орудие или род тарана, при осаде городских ворот употребляемого».¹ Такое же значение получило загадочное «стрикусы» и в сделанном ими переводе: «по утру же вонзив стрикусы, отворил он ворота Новгородские».² С момента выхода в свет мусин-пушкинского печатного текста «Слова о полку Игореве» в 1800 г. «стрикусы» не переставали привлекать к себе внимание издателей, комментаторов и переводчиков древнего памятника русской письменности. В толкованиях исследователей «стрикусам» приписывалось различное значение. Но начиная с И. М. Снегирева (1838—1839 гг.),³ высказавшего догадку, поддержанную позднее А. А. Потебней, о том, что в непонятном «стрикус[ы]» надо видеть отражение немецкого названия боевого топора *Streitax*, несколько разноречивые мнения специалистов по «Слову» унифицировались. В позднейших изданиях памятника «стрикус» — секира, боевая секира, боевой топор. Утверждается и этимология слова, которое возводится обычно к древнемецкому *Strit-axus*. Так переводится и интерпретируется слово

«стрикусы» и в авторитетнейших советских изданиях: «оутрѣ вониз стрѣ-кусы. Ѡвори вратѣ Новогрѣду» в издании «Слова о полку Игореве» В. Н. Перетца (1926);⁴ «а на утро, поднявшись, топорами отворил ворота Новогорода» в переводе С. Шамбинаго и В. Ржиги (1934);⁵ «утром же ударил секирами, отворил ворота Новогорода» у Н. К. Гудзия (1938);⁶ «поутру же вонзил секиры — отворил ворота Нову-городу» у Д. С. Лихачева (1950).⁷

¹ Ироческая песнь о походе на половцов удельного князя Новогорода-Северского Игоря Святославича. М., 1800, стр. 35, прим. «п».

² Там же, стр. 35.

³ Поведание и сказание о побоище великого князя Дмитрия Донского. Слово о житии и преставлении его и Слово о полку Игореве. Изд. И. Снегирева. — В кн.: Русский исторический сборник, изданный Обществом истории и древностей российских, т. III, кн. 1—2. М., 1838—1839, стр. 1—128.

⁴ «Слово о полку Игореві». У Київі, 1925, стр. 121, 293.

⁵ «Слово о полку Игореве». Редакция древнерусского текста и перевод С. Шамбинаго и В. Ржиги... Статьи и комментарии В. Ржиги и С. Шамбинаго. «Academia», 1934, стр. 72, 83, 291.

⁶ «Слово о пльку Игореве». Редакция текста, его прозаический перевод и комментарии проф. Н. К. Гудзия. «Советский писатель», 1938, стр. 38, 47.

⁷ «Слово о полку Игореве». Под редакцией чл.-корр. В. П. Адриановой-Перетц. Изд.

К каким же конъектурам пришлось прибегнуть исследователям в дошедшей до нас редакции выражения «утрѣ же возни стрикусы оттвори врата Нову-граду», для того чтобы приблизить ее к современному состоянию? В тексте первого издания не совсем приемлемым казалось «утрѣ» и просто искаженным «возни», совершенно изолированное место как лексема занимало слово «стрикусы» — уникальное в древнем русском словаре, очевидный нарах. Еще более невразумительной казалась передача того же выражения в Екатерининской копии: «утрѣ же вазнистри кусы», близость которой к аутентичному списку «Слова» XV—XVI вв. вообще ставилась под сомнение текстологами памятника. В результате их основное внимание было направлено на текст издания 1800 г., как на более выверенный и непосредственно отразивший графику оригинала (при всех его отклонениях и условностях). В дальнейшем реконструкция выражения совершалась преимущественно в рамках его редакции, принадлежащей А. Ф. Малиновскому и Н. Н. Бантышу-Каменскому. Конкретные поправки комментаторов выражения свелись к следующему. «Утрѣ же» (в раздельном написании в издании 1800 г. и слитном в Екатерининской копии) подавляющим большинством комментаторов было переделано в «утрѣ (утре) же» — наречие времени древнерусского языка⁸ (в значении «утром», «завтра», «на следующий день»). Такая переделка («ѣ» на «ѣ») оправдывалась совершенно естественным допущением незначительной графической ошибки — замены «ѣ» почти тождественным по конфигурации «ѣ» в списке XV—XVI вв. иль редакторами мусин-пушкинского издания. Против такой поправки трудно возражать даже при самом щепетильном и педантичном отношении к графике текста. Еще легче допустить, что «ѣ» здесь был поставлен не вместо «ѣ», а на месте «ѣ» во вполне закономерной форме древнерусского наречия времени «утрѣ» — «на утро», «на следующий день». Смещение «ѣ» и «ѣ» в данном случае не единичный случай, оно могло произойти в силу недостаточно четкого различия «ѣ» и «ѣ» в графике «Слова» вообще. Правда, случаи замены малого ера (ѣ) большим (ѣ) в исходе слов в тексте памятника единичны, но ничто не мешает нам отнести к этим единичным случаям замены и слово «утрѣ» (вместо «утрѣ»).⁹ При такой ситуации мы спокойно можем оставить «ѣ» в «утрѣ» без изменения, так как, сохраняя этот знак вместо «ѣ», мы отдалим начертание наречия «утрѣ» от предполагаемого оригинала «утрѣ» в меньшей степени,

АН СССР, М.—Л., 1950 (серия «Литературные памятники»), стр. 69, 96, 458. — А. С. Орлов в своем издании «Слова о полку Игореве» (М.—Л., 1946, стр. 85) оставляет слово «стрикусы» без перевода, а в комментариях говорит: «Загадочное „стрикусы“ Снегирев и Потебня сопоставляют с немецким названием боевого топора «*streit-axt*». Так же поступает и редактор текста «Слова» в издании «Библиотеки поэта» [Большая серия]. Л., 1952] Л. А. Дмитриев (ср. стр. 74). С оговоркой дает его и Д. С. Лихачев: «Слова „стрикусы“ в других памятниках древнерусской письменности не встречается: возможно, оно родственно древневерхнемецкому *Strit-akis*, *Strit-achus* — боевая секира» («Слово о полку Игореве». Под ред. В. П. Адриановой-Перетц. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 458).

⁸ См.: Срезневский, Материалы, т. III, стр. 1319, с соответствующими примерами. «Утрѣ» — чтение М. Максимовича; ср. у А. Потебни: «Слово о полку Игореве». Воронеж, 1878, стр. 124.

⁹ В «Слове» чаще наблюдается замена твердого ера (ѣ) мягким (ѣ), известны, однако, и случаи обратной замены, причем их больше в Екатерининской копии, чем в издании 1800 г. «С несомненностью можно думать, из случаев расхождений обоих текстов, что в рукописи „Слова“ начертание „ѣ“ и „ѣ“ в известных случаях не различалось с четкостью одно от другого», — говорит акад. С. П. Обнорский. Из примеров замены «ѣ» твердым ером в исходе слова (значительно более редких) С. П. Обнорский почему-то дает только «вихрь» как единичный, упуская из виду форму «утрѣ». (См.: С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 140).

чем при замене «ъ» буквой «ѣ». ¹⁰ Считаем, что все сказанное по адресу «утръ» предоставляет ему полное право на бытование именно в такой форме в нашем выражении.

Переходим к анализу слова «воззни». Его необычное звуковое оформление не могло не озадачить комментаторов. Они не могли подвести его ни под какой основной эталон-лексеми. Сопоставление его со словами, занимающими идентичное место в словосочетаниях во фразе («скачи», «обесися», «отвори», «разшибе»), привело их к заключению, что это глагол в форме аориста. Оставалось только приблизить его к наиболее подходящей по составу (фонетическому и морфологическому) и семантическому значению основной форме. Такой исходной формой оказался инфинитив древнерусского глагола «възньзти» (в значении «вонзить»). ¹¹ Закономерной формой его аориста было «възньзе» (в 3-м л. ед. ч.), в последующей стадии «вознзе». А «вознзе» уже довольно близко к «воззни» первого издания, в особенности при допущении наличия двух надстрочных букв «з» или их перестановки и тому подобного в рукописи XV—XVI в. ¹² Но все же полного совпадения обеих форм мы не видим, причем более существенным в данном случае нам представляется не столько несовпадение сочетаний «-знз» — «-зн», сколько замена правильного окончания аориста «-е» буквой «и»: «возни-и». Эта замена поражает в особенности на фоне совершенно правильного употребления «-е» в слове «разшибе» одною строкою ниже и вообще последовательного употребления «и» ~ «е» в исходе форм аориста во всем памятнике. ¹³ И это «и» — слабое место в основном удачно реконструированной форме «воззни». Надо думать, что «и» принадлежало графике слова «возни» в рукописном списке XV—XVI вв., а не было внесено в него редакторами издания 1800 г. На такое предположение нас наводит и присутствие «и» в неясном «вазнистри» в Ека-терининской копии.

Но наиболее трудным местом всего пассажа является, конечно, «стрикусы», продолжающее оставаться невыясненным до самого последнего времени. Трудность его истолкования заключается в полном отсутствии словарных параллелей в языке древнерусских памятников и в словаре других славянских языков, на которые можно было бы сослаться. Современные исследователи «Слова», с большей или меньшей степенью уверенности, обычно связывают его с древневерхненемецким *Strit-akis*, *Strit-achus* — «боевая секира», на что мы указали еще в начале статьи. Других, более очевидных соответствий мы пока не можем привести. При анализе этого совершенно неизвестного древней русской лексике слова, с точки зрения его правдоподобности и оправданности как лексемы в тексте «Слова», мы должны принять во внимание два основных момента: 1) незасвидетельствованность формы «стрикус» («стрикусы») словарем не только древних восточнославянских, но и древних западных и южных славянских наречий; 2) доказуемость этимологической связи слова «стрикус» с его предполагаемым древнегерманским прототипом. Отсутствие этого

¹⁰ Сохранение конечного «ъ» мусин-пушкинского издания в слове «утръ» видим только в издании Н. К. Гудзия 1955 г. (см.: «Слово о полку Игореве». Гос. изд. художественной литературы, М., 1955, стр. 28).

¹¹ См.: Срезневский, Материалы, т. I, стр. 367, с соответствующим примером: «Възньзъ (гоубоу) на тръсть» из Остромирова евангелия (Мф. 27, 48) и, что особенно важно, из Галицкого евангелия XIII в. (Мф. 15, 36). Возможность замены «воззни» формой «возни» предполагает еще Д. Дубенский («Слово о полку Игореве» Свято-славяна псалотворца старого времени, М., 1844, стр. 183, 184, 192, 193).

¹² Таким представляет себе начертание этого слова и В. Н. Перетц («Слово о полку Игореве», стр. 121).

¹³ Ср.: «выторже», «пониче», «врѣже», «простре», «съпряже», «затче», «ростре» и др.

слова в памятниках письменности и в известных нам в настоящее время словарных материалах не исключает с полной категоричностью возможности его существования. В тексте «Слова» были обнаружены и другие для своего времени *hарах legomena*. Возможность доказать его правдоподобность потенциально существует постольку, поскольку словарный состав древнерусского языка и диалектов продолжает оставаться не вполне выясненным во всем своем объеме.

Не доказана до конца и этимологическая связь слова «стрикус[ы]» с его гипотетическим древнегерманским первоисточником. К сожалению, до сих пор этимологическая достоверность загадочного «стрикусы» не была подвергнута углубленному обследованию специалистами сравнительной этимологии индоевропейских языков. Предложенная И. М. Снегиревым и поддержанная высоким научным авторитетом крупнейшего лингвиста А. Потебни¹⁴ догадка была принята без особого научного скептицизма. За отсутствием других, более приемлемых и веских конъектур она довольно прочно заняла место на страницах публикаций «Слова». В последнее время (в 1957 г.) возможности отнесения слова «стрикусы» к древнегерманскому *Strit-axus* были проанализированы А. В. Соловьевым.¹⁵ На основании данных ряда лексиграфических источников А. В. Соловьев отрицает оправданность образования непонятного «стрикус[ы]» от обычно приводимого в качестве прототипа древненемецкого слова, в существовании которого он серьезно сомневается. Сдержанность в отношении древнегерманской этимологии «стрикусов» «Слова о полку Игореве» проявляет и известный немецкий славист М. Фасмер.¹⁶

По поводу загадочных «стрикусов» было высказано и другое предположение, не получившее широкого распространения в литературе о «Слове». Впервые оно было предложено знатоком памятника, украинским ученым М. Максимовичем в его рецензии на книгу А. Вельтмана. По мнению М. Максимовича, слово «стрикусы» сродни украинскому «стрикус» («стрыкус» в русском произношении) — «таран», которым бьют конопляное масло.¹⁷ Со словами «стрекать» и «стрекало» сопоставляли его Д. Дубенский¹⁸ и О. Огоновский.¹⁹ В новейшее время эту этимологию поддерживает украинский специалист по «Слову», автор отличного перевода на украинский язык и оригинальных комментариев к нему, Св. Гординский.²⁰ Этому сопоставлению нельзя отказать в известной убедительности. Но и оно должно быть хорошо выверено в лексическом и этимологическом отношениях, перед тем как быть пущено в окончательное обращение.

Переворот в чтении выражения «утрь же воззни стрикусы» несколько лет тому назад произвел проф. Р. О. Якобсон. В своем анализе пассажа Р. О. Якобсон пошел по совершенно иному методологическому пути. В противоположность своим предшественникам, искавшим ключ к разгадке

¹⁴ По мнению А. Потебни, «стрикус напоминает нов.-нем. *streitax*, которое в средневерхненемецком было бы *strit-ackes*, *stît-ax* (без *t*), а в древневерхненемецком *strît akis*, *strit-achus*. Менее вероятно, что при быстром набеге Всеслав мог воспользоваться стенобитными орудиями» (А. Потебня, «Слово о полку Игореве», стр. 124).

¹⁵ А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве». — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 654, прим. 9.

¹⁶ *Russisches etymologisches Wörterbuch*, 19 Lief (Bogen 1—5), 1955, стр. 28. — М. Фасмер ссылается на А. Брюкнера, Р. Якобсона и Вольтера.

¹⁷ Молва. М., 1833, №№ 23, 24 (цитирую по: Ф. М. Головенченко. «Слово о полку Игореве». М., 1955, стр. 69).

¹⁸ Д. Дубенский. «Слово о полку Игореве», стр. 193, прим. 186.

¹⁹ О. Огоновский. «Слово о полку Игореве». У Львові, 1876, стр. 108, прим. 21—25.

²⁰ Св. Гординский. Слово о полку Ігореві. Героїчний епос XII віку. Видавництво «Київ», Філадельфія, 1950, стр. 88.

непонятных «стрикусов» преимущественно (если даже не исключительно) в печатном издании «Слова» 1800 г., Р. О. Якобсон обратился к помощи другого источника — рукописной Екатерининской копии. В непонятном «утръже вазнистри кусы» он очень остроумно обнаружил сочетание пяти слов: «утръже вазни с три кусы», из которых каждое совершенно понятно в отдельности.²¹ Посмотрим, на каких соображениях строит свое чтение Р. О. Якобсон и в какой степени оно оправдывается и подтверждается данными древнерусской лексики и грамматики?

Правильность расчленения сочетания «утръже вазнистри кусы» на пять слов не вызывает никаких возражений. Для Р. О. Якобсона «утръже» — аорист (3-е л. ед. ч.) от глагола «утръгнути» — «урвать», «вазни» — род. п. ед. ч. существительного «вазьн» — «счастье», «удача», значение трех остальных слов понятно само собою.²² В переводе на современный русский язык оно выглядит так: «урвал счастья с три клона». «Утръже», действительно, является аористной формой глагола «утръгнути». Правда, это простой аорист, древнему русскому языку не свойственный. По словам историка русского языка П. Я. Черных, «в древнейших наших (русских, — Н. Д.) рукописях зарегистрированы только единичные случаи таких образований, попавшие туда из старославянских оригиналов. В Остромировом евангелии сюда относится единственный пример: възможете — 2-е л. мн. ч. от простого (несигматического) аориста: възмогъ», — указывает П. Я. Черных.²³ Однако в тексте «Слова» это не единственный случай употребления простого аориста. Такие аористы также: «выторже» (от «вытъргнути»; Срезневский, Материалы, т. I, стр. 455) — «яко вихрь выторже»; «врѣжеса» и «врѣже» (там же, стр. 322) — «уже врѣже са дивъ на землю» и «врѣже Всеславъ жребий»; «съпрѣже» (от «съпрѣжи»; там же, т. III, стр. 810; точнее — «съпрѣчи») — «жаждею имь лучи съпрѣже»; «въврѣжеса» (от «въврѣжися»; там же, т. I, стр. 328) — «въврѣжеса на бръзь комонь» и т. д. Наличие других простых аористов в «Слове» вполне подтверждает возможность понимания «утръже» как аориста.

Закономерность слова «вазни» как родительного частичного от существительного «вазьн» также подтверждается нередкими примерами употребления этого падежа в «Слове». Ср. «и поостри сердца своего мужествомъ»; «да позримъ синего дону»; «искусити дону великаго» и др. «Вазни» как лексема находит оправдание в древнерусском существительном «вазьн» — «счастье», «удача» (*fortuna*). Много примеров с этим старинным русским словом можно найти в памятниках древней

²¹ H. Grégoire, R. Jakobson, M. Szeftel. *La Geste du Prince Igor*. — *Annuaire de l'Institut de philologie et d'histoire orientales et slaves*, t. VIII (1945—1947), New York, 1948 (далее: *La Geste du Prince Igor'*), стр. 68¹⁵⁶. — Л. А. Булаховский расчленяет выражение следующим образом: «утръ (утрь) же вонъзи оstri (остры) кусы», и читает его: «утром же вонзил острые зубы». Считая, что его конъектура хорошо гармонирует с «лютым зверем» и с «в пальчи», Л. А. Булаховский видит ее слабые места в словах «кусы» в значении «зубы», засвидетельствованном и существующем только диалектно в польском (*kęsy*), и в «остри» вместо ожидаемого «остры», которое он сопоставляет с «отвори» и с «рыскаше»: «дорискаше». В другой конъектуре (Р. О. Якобсона), по мнению Л. А. Булаховского, «может вызвать серьезное сомнение „съ три кусы“, мало гармонирующее по тону со стилем „Слова“, но, может быть, объяснимое специфичностью именно отрезка («песни») о Всеславе». (Л. А. Булаховский. О первоначальном тексте «Слова о полку Игореве». — *ИЮЛЯ*, т. XI, 1952, в. 5, стр. 446, прим. 29).

²² Слово «кусь» известно древнерусскому языку [см.: Срезневский, Материалы, т. I, стр. 1382; у Р. О. Якобсона приводится пример из Слова Кирилла Философа (*La Geste du Prince Igor'*, стр. 241—242)].

²³ П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1954, стр. 237. (Разрядка наша, — Н. Д.).

русской письменности и в «Материалах» И. И. Срезневского. Известны и случаи партитивного употребления существительного «вазнь» (например: «Оуне ми имети каплю вазни, нежели бѣтарь оума» в тексте «Пчелы» XV в.). Следовательно, вполне выдержанной с лексических и грамматических позиций представляется и форма «вазни».

Предлог «с» без конечного ера (ѣ) в словосочетании «с три кусы» может быть сопоставлен с одним единственным случаем такого написания «с» в тексте нашего памятника: «стугою» (ср. также: «вмоемъ тереме злато-верьсем» и «бес щитов»).²⁴ Вообще же выдержанною чертой памятника является устойчивое употребление «ѣ» в исходе предлогов. Не вызывает возражений в аспекте исторической грамматики русского языка (что подчеркиваем особо, так как в плане лексическом дело обстоит несколько иначе) и сочетание предлога «с» с числительным «три».

Сочетание предлога «съ» с числительным в винительном падеже обозначения приблизительного количества было известно древнерусскому языку и встречается в нем достаточно часто.²⁵ А потому «с три(кусы)», в котором Р. О. Якобсон видит именно такое сочетание, отнюдь не противоречит нормам древнерусского синтаксиса. Возникает, правда, вопрос: почему представление приблизительного количества связывалось с величиной, которая, казалось бы, не должна была вызывать такого представления — «с три кусы вазни» («с три клокa удачи» — в интерпретации А. В. Соловьева)?²⁶ Более естественным в данном случае было бы сочетание «три кусы вазни» (без предлога «с» — «урвал три куса, клокa удачи»). Ведь «удач» у Всеслава было ровно три, количество их строго определено, они вполне конкретны, и их не следовало бы измерять мерою приблизительного количества.²⁷ Три удачи вѣщаго Всеслава: он занял Новгород, «расшиб славу Ярославу» и «сел даже на столе» в Киеве.

Сочетание числительного «три» с формой существительного во множественном числе «кусы» (в именительном падеже с заменою окончания «и» более новым «ы» или в винительном падеже) было тоже вполне закономерно в русском языке вплоть до XVI в. По наблюдениям акад. Л. А. Булаховского, такая форма существительного (при «три», «четыре») была господствующей в памятниках письменности еще в конце XV в.²⁸ Формы на «-ы (и)» считает преобладающими для существительных при «три», «четыре» в памятниках даже второй половины XVI в. и С. Д. Никифоров

²⁴ Д. С. Лихачев предполагает, что слитно и без «ѣ» было написано в рукописи также слово «сморя» (История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в. — ТОДРА, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 72). В той же статье находим очень богатые и тонкие наблюдения над употреблением «ѣ» и «ѣ» в исходе предлогов и вообще в рукописи «Слова» (стр. 70 и сл.).

²⁵ Примеры употребления такого винительного дает И. С. Срезневский (Материалы, т. III, стр. 638): «Понмаша на нихъ с полторы ты сячи гривен» (Н1Л, 6645 г., по Академическому списку второй половины XV в.); «Съ і капии» (Никона Пандекты); «Пребыша тоу съ ѣ недъ» (Н1Л, 6823 г.); «Сопъ естъ человеки съ г высота его» (Странствования Зосимы); «на право съ два поприща монастырь естъ» (Записки Игнатия чернеца 1392 г.); Стояла зима день съ шесть» (П1Л, 7072 г.).

²⁶ А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве», стр. 653—654.

²⁷ Во всех взятых мною примерах из «Материалов» И. И. Срезневского (см. также и другие его примеры) употребление винительного падежа приблизительного количества логически оправдано. Оправдано оно и в словосочетании «человеки с г высота его» с числительным 3, которое употреблено и в нашем примере в «Слове».

²⁸ Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Киев, 1953, стр. 297, 298 и прим. 2. Ср. «...четыре алтыны с денгоу» (Судебн. 1497 г.); «А три годы поживет...» (Судебн. 1497 г.); «...да у Игошки взяли три топоры» (1579 г., Акты юрид. 92, № 46) и др. В них сохранилось старое управление, но с заменой древнейшего -и в окончании имен. п. мн. ч. более новым -ы, как и в «Слове».

ров.²⁹ Окончание «-ы» покрывается в конце разбираемого слова в обеих редакциях выражения (ср. «стрикус-ы — с правильным окончанием вин. п. мн. ч. и «кус-ы»).

Такой представляется интерпретация словосочетания «утръжевазнистри кусы» Екатерининской копии, предложенная Р. О. Якобсоном, в ее отдельных элементах в свете данных грамматики и словаря древнерусского языка.

Всем сказанным, однако, дело не исчерпывается. Перед нами встает еще один вопрос, с которого, может быть, следовало бы начать анализ обоих чтений выражения. Это вопрос: в какой мере можно довериться Екатерининской копии и дает ли она безусловные и бесспорные возможности для текстологических ссылок на нее.

Если принять, что Екатерининская копия была менее тщательно и умело отработана в текстологическом и палеографическом отношениях, то можно допустить, что местами она могла быть более первична, более «первобытна» и близка к оригиналу.³⁰ Не исключено, что, несмотря на всю свою текстологическую добросовестность и осведомленность в вопросах древнего русского письма и желание донести до читателя список «Слова» XV—XVI вв. в его оригинальном виде, редакторы первого издания *volens nolens* вынуждены были дать сильно затемненные выражения текста в хотя бы элементарно понятном оформлении. Им оставалось или опубликовать их в полной неприкосновенности (что они и сделали местами вследствие бессилия удовлетворительно справиться с их интерпретацией), или придать им относительно понятный вид. Как редакторам им, конечно, хотелось, чтобы таких непрочтенных мест было как можно меньше. Вполне допустимо, что «каменем преткновения» оказалось и лишнее смысловое сочетание «вазнистри кусы», которое они и осмыслили по линии общего семантического содержания контекста. При таком допущении вероятность большей аутентичности словосочетания «вазнистри кусы» увеличивается, а обращение Р. О. Якобсона к тексту Екатерининской копии с методологической точки зрения вполне оправдывается, и гипотезе его надо отдать преимущество.

Но если это не так, то центр герменевтических построений должен переместиться в направлении издания 1800 г. со всеми проистекающими из этого последствиями.

И, наконец, несколько слов о переводе «утръже вазни с три кусы», предложенном Р. О. Якобсоном: «Знать, трижды ему довелось урвать по куску удачи».³¹ На фоне реконструированной фразы с ее характерным «с три кусы» перевод звучит более поэтично, но и несколько более отдаленно, так как приданный ему оттенок дистрибутивности — «по куску удачи» — отсутствует в подлиннике. Наиболее удачен в этом отношении перевод А. В. Соловьева:³² «урвал счастья с три клока», сохраняющий основное лексическое сочетание конъектуры Р. О. Якобсона «с три кусы» — «с три клока».

²⁹ С. Д. Никифоров. Из наблюдений над именами существительными в памятниках второй половины XVI в. — В кн.: Вопросы славянского языкознания, т. I. Львов, стр. 151—152.

³⁰ При положении, что автором списка, с которого она была сделана, был А. И. Мусин-Пушкин, неискушенный в чтении древнерусских рукописей (см.: Д. С. Лихачев. История подготовки к печати текста «Слова о полку Игореве» в конце XVIII в., стр. 79—83).

³¹ См.: *La Geste du Prince Igor'*, стр. 196.

³² А. В. Соловьев. Новый итальянский перевод «Слова о полку Игореве», стр. 653—654.

На этом мы заканчиваем критическую оценку достоверности словарных элементов обеих редакций перевода как лексем и грамматических форм и переходим к обобщению.

Перед нами дилемма — нам надо сделать выбор между двумя совершенно различными редакциями перевода одного и того же выражения «Слова о полку Игореве», высказать свое мнение о преимуществе одной из них. Одна редакция — старый, освященный временем и традицией общепринятый перевод, другая — оригинальная по замыслу и очень «простая» по разрешению догадка, полностью опровергающая старое чтение. Задача трудная и ответственная, одной из возможностей разрешения которой может быть сопоставление и критический анализ сильных и слабых сторон каждого из двух чтений разбираемого места в отдельности. Это сопоставление и будет сделано в заключительной части статьи.

В целях большей наглядности даем параллельно обе редакции выражения с контекстом и их перевод.

Традиционный текст

(по изданию Академии наук 1950 г.)

На седьмомъ вѣцѣ Трояни
врѣже Всеславъ жребий
о дѣвицѣ себѣ люблю
Тѣи клюками подпрѣ ся о кони
и скочи къ граду Киеву
и дотчеся стружемъ
злата стола киевскаго.
Скочи от нихъ лютымъ звѣремъ
въ пѣночи изъ Бѣлаграда,
обѣсися синѣ мыгль:
утрѣ же воззни стрикусы, —
отвори врата Новуграду,
разшибе славу Ярославу,
скочи вѣлкомъ
до Немиги...» (стр. 25).

«На седьмомъ веке Трояна
кинул Всеслав жребий
о девице ему милой.
Он хитростями оперся на коней
и скакнул к городу Киеву
и коснулся древком
золотого престола киевского.
Скакнул от них лютым зверем
в полночь из Белгорода,
объятый синей мглой;
поутру же вонзил секиры, —
отворил ворота Новгорода,
расшиб славу Ярослава,
скакнул волком
до Немиги...» (стр. 69).

Начнем с традиционной редакции. Ее слабым местом являются реконструированные формы слов «утрѣ» и «воззни» (при «утрѣ» и «воззни» в издании 1800 г.). Некоторым отрицательным моментом в этой редакции представляется и самая необходимость прибегнуть к реконструкции, результаты которой, правда, не вызывают серьезных возражений в отношении правильности восстановленных форм. Их «грамматичность» была установлена в своем месте, хотя и не без оговорок (неоправданность за-

Текст в редакции Р. О. Якобсона

(по изданию «La Geste du Prince Igor», 1948 г.)

153. Врѣже Вьсеславъ жрѣбии (жеребин)
о дѣвицю (он дѣльницю?) себѣ (собѣ)
любю.
154. Тѣи клюками подѣпрѣ ся о копии,
скочи къ граду (городу) Киеву и дотѣче
ся стружемъ злата (золота) стола
Киевскаго.
155. Скочи отаи лютымъ звѣрѣмъ въ по-
луночи из Бѣла-града (города): обѣси ся
сини мыгль.
156. Утрѣже вазни съ три кусы, — отъ-
твори врата (ворота) Нову-граду (-го-
роду), рашибе (рошибе) славу Ярославу.
157. Скочи вѣлкѣмъ до Немигы...
(стр. 170—172).

«153. Кинул Всеслав жребий о девице *
желанной.
154. Уловкой опершись о копье, он прынул
к Киеву-граду и задел было древком Киев-
ский золотой престол.
155. Лютым зверем прынул он из Белго-
рода в полночь, таясь под покровом си-
ней мглы.
156. Знать, трижды ему довелось урвать
по кусу удачи, — отворил было врата Нов-
города, перешиб славу Ярославу.
157. Волком прынул он до Немиги и ток
утоптал: на Немиге...» (стр. 196).

* «Или скорее о доле». (Прим. Р. О. Якобсона).

мены «ъ» буквой «ѣ» и незакономерность «и» в форме «вознзи» вместо «вознзе»). «Ахиллсова пята» традиционной редакции — это, конечно, загадочное «стрикусы», в котором большинство современных комментаторов видит отражение древнегерманского *Strit-axus* и т. д., а отдельные исследователи склонны отождествлять с украинским «стрикати», и т. п. Отсутствие этого слова в лексике древнерусских памятников — серьезная улика против него.³³

В широком же контексте «утрѣ» (в значении «на утро», «на следующий день») очень хорошо уравнивается с «въ плъночи», сохраненным и во второй редакции (Р. О. Яковсона). «Въ плъночи» ~ «утрѣ» (утрѣ) — два полюса времени двух действий, выраженных аористами: «скочи» и «вознзи». Конечное «е» в «утрѣ же» (в издании 1800 г.) сохраняется и в реконструированном «утрѣже».

Кроме того, глагол «вознзи» находит себе внутреннее и внешнее, формальное соответствие в двух резко «ударных» последующих глаголах: «отвори» и «разшибе», образующих вместе с ним трехчлен, объединенный смысловым единством: «вознзи» — «отвори» — «разшибе». Вот аргументы, которыми в той или иной степени можно поддержать общепринятое чтение словосочетания «утрѣ же вознзи стрикусы».

Вторая версия имеет то неоспоримое преимущество, что она ничто не меняет, ничего не реконструирует, а только по-новому расчленяет хорошо известное всем словосочетание «утрѣже вазнистри кусы» Екатерининской копии, которое комментаторы обычно обходили своим вниманием. Все словарные элементы второго чтения, и как лексемы и как грамматические формы, закономерны, что подтверждено сделанным анализом. Эти моменты — очень сильное место и неоспоримое преимущество второй редакции. Единственное, в чем можно усомниться, — это интерпретация словосочетания «с три кусы» как «винительного приблизительного количества». Ведь «три удачи» вешего Всеслава, занявшего Новгород, «расшибшего» славу Ярослава и даже севшего «на столе» в Киеве, как совершенно конкретные факты, вряд ли могли вызвать подобное представление приблизительности. Счет же «трех кусов удачи» у нас не вызывает возражений. И еще деталь. Не будет ли диссонировать глагол «утрѣже» в значении «урвал» и т. д., стоящий в одном ряду с глаголами «отвори» и «разшибе», которые (при первом чтении) располагаются в порядке некоторой восходящей последовательности: «вознзи» — «отвори» — «разшибе»?

Но это — частности. В общем же плане выступает очень существенное соображение. Можно ли допустить, что в Екатерининской копии «вазнистри кусы» было просто случайным сочетанием звуков, набором слов, удивительным образом совпавших с реально существующими словами при расчленении этого сочетания на его составные элементы? Такое совпадение было бы поразительной случайностью, необыкновенной игрой слов, в которую трудно поверить. И это всецело говорит в защиту версии Р. О. Яковсона, столь остроумно дешифровавшего загадочное словосочетание Екатерининского списка, оставшееся неразгаданным в течение целого столетия.

Нашу задачу мы не разрешили до конца. Да, собственно, мы и не собирались делать этого. Мы хотели только проанализировать, действуя

³³ О «стрикусах» как о каком-то оружии древности не высказывает никаких предположений и автор спеднального очерка «Какое значение имеет „Слово о полку Игореве“ в истории оружия» В. Г. Федоров во второй части книги «Кто был автором „Слова о полку Игореве“» (М., 1955, стр. 105 и сл.).

«филологическими реактивами», и взвесить все доводы в защиту одного или другого чтения, установить с возможной скрупулезностью сильные и слабые их стороны. Ее авторитетное решение предоставляем специалистам, которые, кстати сказать, давно не занимались «стрикусами», приняв без особых критических колебаний догадку, высказанную о них много десятилетий назад. Мы будем очень рады, если наша заметка вызовет отклики и своими черновыми материалами поможет выяснению окончательной редакции и чтения выражения «утрѣ же воззни стрикусы» первого печатного издания «Слова о полку Игореве».³⁴

³⁴ О слове вазнь в памятниках древней русской письменности см.: D. Cyzevskýj. Lexikalisches. 6. vazнь. — Zeitschrift für slavische Philologie. Bd. XXII. Heft 2. Heidelberg, 1954, стр. 344—348.